

*А.Н. Бурмейстер
Гренобльский университет-III им. Стендаля (Франция)*

Октябрь 17-го, утопия или иллюзия?

Не празднуют больше Октябрь 17-го как рождение «нового мира». Эта дата, однако, остается нестираемой границей между тем, что было «до» и стало «после» Октября, хотя это «после» уже охватывало «до», пока современники этого не замечали; а стереть сегодня это «после» просто как отступление в скобках, закрытых в 1991 году, и реставрировать «до» оказывается утопичным или иллюзорным.

Несмотря на его бедственные последствия, захват власти большевиками в 1917 году зачастую описывался как гуманное начинание, которое приняло плохой оборот, как искренняя попытка осуществить радикальную демократическую программу, то есть воплотить на практике утопический проект, иначе говоря, неосуществимый. Этот подход позволяет оправдать коммунистов, «так как у них были хорошие намерения», четко отделить их от фашистов, «чьи намерения были плохими», и не позволяет свести в общую тоталитарную парадигму и Советский Союз и Третий Рейх. Парадокс в том, что, спасая марксизм-ленинизм от осуждения истории, относят его к разряду утопических или параутопических социальных теорий, тогда как навязчивая забота Маркса и Энгельса заключалась именно в стремлении отторгнуться от Сен-Симона, Фурье, Прудона — «охимерических идеалистических» систем во имя «научного социализма». Именно во имя «науки» они опровергали политические аргументы — первенство свободы, или моральные аргументы — первенство прав человека.

Является ли марксизм-ленинизм утопическим? Является ли коммунизм утопическим? Некоторые авторы, хоть и враждебно относящиеся к коммунизму, часто используют это определение, чтобы осудить и приговорить «утопию у власти». В ответ на публикацию Костаса Папауану «Ленин, или Утопия у власти» (Paris, Cahiers Spartacus, март-апрель 1978 г.) Мишель Элер и Александр Некриш пишут объемистую историю СССР с 1917 года до наших дней, озаглавленную «Утопия у власти» (Calmann-Levi, 1982), определяя ее таким образом: «Утопия, то есть всеобщая идеология, претендующая на то, чтобы изменить общество, воплотив логически обоснованную мечту и создав нового человека». Ленинская утопия, его идеология, изложена будто бы в его работе «Государство и революция», описывающей государство, которым напрямую руководят рабочие, где эксплуататоры лишены власти, а эксплуатируемых организует вооруженный авангард. Насилие, террор являются неизбежными следствиями этого вида правления. Стефан Куртуа, пишет в заключении «Черной Книжки Коммунизма», что, если на Западе Жорес, Бернштейн, Каутский и даже Маркс предполагали мирный переход к социализму, то в России, «земле насилия и жестокости испокон веков», утопия у власти стала смертоносной утопией¹.

Александр Николаевич Бурмейстер, славист, заслуженный профессор Гренобльского университета-3 им. Стендаля. E-mail: sachabourmeyster@wanadoo.fr.

¹ Courtois S. Le Livre Noir du Communisme. Robert Laffont, 1997, P. 806.

Элен Карер д' Анкос развивает тот же подход во введении к своему «Ленину»: «Ленин относится к долговечному направлению, утопическому, и в составе мифической троицы, — троицы Маркс–Энгельс–Ленин». Она добавляет: «Земная тяжесть коммунизма защитила того, кто первый превратил утопию в систему власти»². По ее мнению, в октябре 17-го было настроение «не только оптимистическое, но и утопическое. Разве Ленин не заявляет своим слушателям: притесняемые массы сами создадут правительство?»³. Однако «Государство и революция», «анархо-утопический текст», оставляет историка в большом недоумении. «Как примирить анархическое видение, которое на примере Коммуны Ленин предлагает пролетариату..., и его организаторское видение, где «централизация», «единство» и «дисциплина мастерской» являются основами государства, которое он описывает?»⁴. Следовательно, — спрашивает себя Элен Карер д' Анкос, «какое место занимает эта утопия в умственном маршруте Ленина?» Она продолжает: «Во время революции исчезновение ограничений, уверенность, что отныне все дозволено, вера во врожденную добродетель пролетариата, заменявшие всякую законность, питали надежду утопистов, но с лета 1919 года Ленин, «повернувшись спиной к утопии, утверждает о необходимости создать культуру, установленную законом, чтобы продвигать к коммунистическому обществу»⁵. Он осуждает Пролеткульт, утопию, претендующую на то, чтобы поставить культуру на службу пролетариату. «Между стихийностью, воплощенной в образе «кухарки», и сознательной организацией Ленин выбрал второе»⁶. Однако, по свидетельству его биографа, Ленин перед смертью едва ли изменился: «Несомненно, Ленин по-прежнему, как все утописты, хочет счастья человечества, но, как все создатели утопий, он забывает о самом человеке ради абстрактного человечества»⁷. Как примирить намерение, благо человечества, и практику, несчастье людей? Все утопии ведут к этому виду противоречий. «Но Ленин — дважды исключительный случай в истории утопий. Прежде всего никакая утопия, — ни мечта Платона, ни мечта Томаса Мора, — не привела к рождению долговечных государств». «Ленин» Элен Карер д' Анкос — неисправимый утопист — является при этом «политическим гением, проводником для превращения утопии в государство с претензией на универсальность»⁸. Ему удалось «сохранить общность судьбы народов, живших в пространстве бывшей империи. Живой или мертвый, Ленин остается подлинным руководителем многонационального федерального государства, которое рождается официально в 1924 году»⁹. И, кроме того, «ему удалось долгое время избегать осуждения, тяготевшего над его творением. Ответственным за извращение ленинского дела считается Сталин, обвиненный как вождь, «безумный от власти», или как чудовище»¹⁰.

Ленин, интернационалист, этакий фокусник, превращает утопию, Россию в роли искры, которой предназначалось воспламенить мир «революционным пожаром», в федеральное государство, наследника империи, «тюрьмы народов», с целью сохранить общность их судьбы! О чем заботится Ленин? О счастливом будущем этих народов? Или о том, чтобы большевики удержали власть? Хочет ли он счастья человечества? Или «революционного пожара»? Не происходит ли «недоумение» Элен Карер д' Анкос оттого, что она хотела бы включить в «умственный маршрут» так называемого утописта популистский манифест максималиста. Не было ли его целью подорвать доверие масс в «формальный демократизм» его соперников, в достижения Просвещения, в правовое государство, в парламентаризм, в разделение властей? поручить, вопреки всякой законности, народному самовластью разрушение существующего порядка, государственного аппарата, гражданского общества? Подобные вопросы являются неуместными, если назвать Ленина «утопистом», а коммунизм — «утопией у власти». Прежде чем придавать этим словам роль понятия, следовало бы задуматься над их смыслом!

² Carrère d'Encosse H. *Lénine*. Librairie Arthème Fayard, 1998. P. 13.

³ Ibid. P. 318.

⁴ Ibid. P. 342.

⁵ Ibid. P. 577–578.

⁶ Ibid. P. 580.

⁷ Ibid. P. 607.

⁸ Ibid. P. 623.

⁹ Ibid. P. 534.

¹⁰ Ibid. P. 622–623.

Опираясь на Томаса Мора, словарь «Le Robert» определяет «Утопию» как «воображаемую страну, где идеальное правительство царит над счастливым народом», он применяет эпитет «утопический» к «идеалу, к политической или социальной системе, которая не учитывает реальности и кажется химерической, или к проекту, который кажется неосуществимым». Относительный, субъективный характер суждения, прозванного утопическим, — идеал или проект, подчеркивается употреблением глагола «кажется».

«Oxford Advanced Dictionary of Current English» А.С. Хорнбая определяет «Утопию» как «воображаемую совершенную общественную и политическую систему» и «утопический», как «заманчивую и желаемую неосуществимую цель». Он приводит пример: «платить старикам пенсию в 100 фунтов в неделю».

В обоих случаях «утопический» является, безусловно, синонимом химерического, неосуществимого, но без негативной коннотации в соответствии с тем, что ссылка на Томаса Мора предполагает притягательный характер предлагаемого правления: царить над счастливым народом.

Словарь «Littre», изданный в XIX веке, упоминал о воображаемой стране Т. Мора, где все урегулировано наилучшим образом, но, несомненно, под влиянием политических потрясений своего времени, он уточнял: «план воображаемого правления, где все совершенным образом отрегулировано для счастья каждого, и которое на практике дает чаще всего результаты, противоположные тем, которые ожидалось». Цитируя газету «Le Charivari» за 7 октября 1876 года, он включал демагогическую коннотацию: «сверкать утопическими, невыполнимыми обещаниями».

В своей работе «Социалисты утопии» Доминик Дезанти давала слово социалистам XIX в.: Бабефу, Сен-Симону, Фурье, Консидерану, Оуэну, Кабе, которых Маркс во имя научного социализма прозвал «утопистами» под тем предлогом, что системы, которые они хотели ввести «здесь и сейчас», были неосуществимыми. Ободряемая расцветом коллективов, рожденных в движении хиппи и под действием майских событий 1968 года во Франции, автор задавала себе вопрос: «Может быть, пришло время рассматривать утопию в целом, чтобы понять, не является ли она действительно истиной завтрашнего дня»¹¹. Следовательно, нужно употреблять этот термин осторожно. Можно ли назвать «утопическим» абсолютно неосуществимый проект: вернуть сегодняшнюю Грецию в эру Перикла? Одобрить того, кто заявлял во Франции накануне Народного фронта 1936 г.: «40-часовая неделя и оплачиваемые отпуска — это утопично»? Или же назвать утопистом участника событий 1968 года, который искренне верил, что «Запрещено запрещать»?

В нашумевшем эссе Франсуа Фюре «Прошлое некой иллюзии» в качестве заголовка стоит прошлое иллюзии, а не прошлое утопии, объектом его анализа являются жертвы «иллюзии», в число которых он включает самого себя, а не коммунистическая идея и «утописты», которые отклонились от начальных своих целей. «Я скорее имею в виду, что коммунизм стремился соответствовать необходимому развитию исторического Разума и что установление «диктатуры пролетариата» приобрело от этого научный характер»¹². Идея исторической необходимости пережила свой апогей в XX веке при кровавом поединке между фашизмом и коммунизмом, которые оба претендовали на то, чтобы сменить буржуазную демократию. «Понять нашу эпоху станет возможным только тогда, когда мы избавимся от иллюзии необходимости»¹³, — утверждает Ф. Фюре. По его мнению, идеология — «система объяснения мира, имеющая провиденциальный характер благодаря политической борьбе, исключающей вмешательство всякого божества». Эта система, намеченная Робеспьером, с Праздником Высшего Существа и великим Террором, до XX века не осуществлялась в идеологической и государственной форме.

Если Ф. Фюре ограничивается «иллюзией научной, исторической необходимости» и избегает говорить об утопии, то этот термин постоянно возникает под пером Эрнста Нольте в его переписке с Ф. Фюре, опубликованной под заголовком «Фашизм и коммунизм». Немецкий историк, автор «Эпохи фашизма» в 1963 году, затем «Фашистских движений», рассматривал фашизм как активную форму антимарксизма, ставшую причиной идеологичес-

¹¹ Desanti D. Les socialistes de l'utopie. Paris: Payot, 1970. P. 314.

¹² Furet F. Le passé d'une illusion, essai sur l'idée communiste au XX-e siècle. Robert Laffont/Calmann-Lévy, 1995. P. 13.

¹³ Ibid. P. 18.

кой «гражданской войны XX века». В этой перспективе Октябрь выступает точкой отсчета в цепи реакций: итальянский фашизм, затем нацизм, столько ответов на коммунистическую угрозу в виде движений, действующих теми же методами, что и коммунисты. Его положение о «чрезмерной реакции» на большевизм, истолкованное как попытка частично, если не полностью, оправдать нацизм, вызвало скандал в Германии.

Э. Нольте отмечает, что Ф. Фюре упорно продолжает видеть в Октябре, в его влиянии на мир, фундаментальное событие XX века. «Вы продолжаете исследовать его воздействие до тех пор, пока он, изнуренный борьбой с многочисленными фактами, не потеряет свою внутреннюю силу и не станет окончательно считаться тем, чем он был с самого начала, вследствие своего утопического характера, а именно «иллюзией»¹⁴. Чтобы объяснить трудность, и даже невозможность, провести толковый анализ коммунистических режимов, Ф. Фюре учитывает не их «утопический характер», а «антифашистское наваждение», разыгранное коммунистическим движением, чтобы скрыть правду от общественного мнения»¹⁵. Несмотря на то, что их истоки так различны, фашизм и коммунизм взаимозависимы в своих представлениях, в своих пристрастиях. Стремясь свести фашизм ко вторичной реакции, Э. Нольте не стесняется при этом хвалить заслуги рабочего движения XIX века, как и заслуги воинствующего пацифизма во время Первой мировой войны. «Даже если утопические иллюзии марксистского коммунистического движения были развенчаны Историей, в нем было величие»¹⁶. Он даже ссылается на Мерло-Понти, который видел в фашизме «гримасу большевизма», кроме теории о пролетариате, рассматриваемой сегодня как «утопическая» часть большевизма. Фашизм же, заключает Э. Нольте, это имитация большевизма без этой утопической, «гуманистической», части, в отличие от антигуманистических мотивов фашизма и особенно нацизма»¹⁷.

Ничего не помогает, Ф. Фюре продолжает считать, что фашизм и коммунизм — чудовищные близнецы, рожденные революционной иллюзией, один — мечтающий построить будущее на основе мифического прошлого, другой — узаконить его научной необходимостью, прогрессом. «На мой взгляд, новизна фашизма для Истории состоит в освобождении западных правых сил из тупиков контрреволюции... в восстановлении прошлого, откуда, однако, возникло зло. Ничего подобного с фашизмом: он не определяется больше как реакция (возвращение назад) на революцию. Он сам — революция... Следует понять, какое замечательное притягательное воздействие он оказал на массы в XX веке»¹⁸.

Несмотря на разногласия, оба историка находят взаимопонимание по поводу того, что Э. Нольте называет «генетико-исторической версией теории тоталитаризма»¹⁹, а Ф. Фюре — просто «„генеалогическим” подходом к европейской трагедии», более интересным, чем «структурное» сравнение гитлеровского и сталинского тоталитаризмов в стиле Ханны Аредт. Их общие точки соприкосновения — «это политический дефицит, являющийся составной частью современной демократии». Выход — включение масс в единую партию, общий враг — буржуазная демократия»²⁰. Ф. Фюре, вместе с тем, замечает своему немецкому коллеге, что, допуская существование основной части фашистского или фашиствующего учения, более или менее сложившегося, до 1914 года, он значительно ослабляет свой тезис о чисто реактивном характере фашизма в ответ на большевизм: «Война 1914 года, она одна, вероятно, играет большую роль в «актуализации» фашизма, нежели сама Октябрьская революция»²¹. В своем последнем письме Ф. Фюре говорит о своем намерении вновь поставить вопрос о фашистской идее, существовавшей ранее фашистского движения. «Вы хорошо знаете, что существует «предыстория» фашизма, независимая от марксизма, до 1914 года, вы посвящаете этому первый том вашей книги 1965 года»²².

¹⁴ Nolte E. et Furet F. *Fachisme et communisme*. Plon, 1998. P. 28.

¹⁵ Ibid. P. 39.

¹⁶ Ibid. P. 50.

¹⁷ Ibid. P. 84.

¹⁸ Ibid. P. 140–141.

¹⁹ Ibid. P. 48.

²⁰ Ibid. P. 63–64.

²¹ Ibid. P. 66.

²² Ibid. 138.

Существует также «предыстория» большевизма, предшествующая большевистской партии, независимая от официальной истории Коммунистической партии Советского Союза, независимая от «антифашистского наваждения». Но, чтобы сделать ее понятной, следовало бы сначала освободиться от «большевистской» лексики: буржуазная революция, социалистическая революция, контрреволюция, прямая или формальная демократия и т.д. С 1978 года в книге «Осмыслить Французскую революцию» Ф. Фюре анализировал эту проблематику: история революции, которую пишет Токвиль, отличается от истории Мишле, потому что он строит ее на критике дискурса, отражающего опыт революционеров, их иллюзии о самих себе; их сознание организовывало ретроспективно анализ причин их деятельности. У революции есть причины, ее история не сводится к этим причинам. Люди делают историю, но не знают истории, которую делают. Подход Ф. Фюре следует применить к русской революции. Нужно было бы начать с того, чтобы осмыслить ее, вместо того, чтобы ее понимать, как это утверждает Мартен Малья в своей работе «Понять русскую революцию».

«История» большевизма началась будто бы в июле 1903 года на II съезде русских социал-демократов в Брюсселе, когда большинство делегатов, большевики, предпочли «интересы партии» («демократическим принципам»), которые защищало меньшинство, меньшевики. Тот же раскол происходит в апреле 1907 года на V съезде в Лондоне, когда делегаты должны были извлечь урок из революции 1905 года: признать необходимость этапа буржуазной демократии или требовать революционного преодоления этого этапа, чтобы сохранить боеспособность партии. В тот же период, в 1910-х годах, подобное разделение происходит в немецкой социалистической партии при конфликте между Карлом Каутским, официальным теоретиком партии, директором «*Neue Zeit*», и «неорадикалами», Розой Люксембург и Антоном Панкееком²³. По вопросу о захвате власти сталкиваются две линии: стратегия уничтожения (*Niederwerfungstrategie*), «массовая забастовка», применение насилия, которые должны позволить рабочему классу прийти к власти, не ожидая победы на выборах, и стратегия изнурения (*Ermattungstrategie*), «массовая забастовка» вплоть до удовлетворения таких требований, как всеобщее избирательное право, приход к власти в парламенте и проведение ненасильственной революции (тезис К. Каутского). Русская революция 1905 года является образцом для первых; они видят в революционной борьбе педагогические, очистительные достоинства, которые якобы позволят эксплуатироваемым и невежественным массам осознать пользу общего дела. Их вера (наивная?) во врожденную доброту масс, естественную доброту, которая возродится, как только будет сломан буржуазный строй, сближает их с анархистами; она внушает Панкееку убеждение, что немецкий рабочий класс «естественным образом» откликнется забастовкой на развязывание войны в Европе. По мнению Каутского, напротив, русский пример не может стать образцом в данном контексте: всеобщая революционная забастовка против самого жестокого и самого могущественного в Европе военного бюрократического государства? На Западе рабочий класс имеет право на создание коалиций, право на проведение манифестаций, право участвовать в выборах; он прибегает к всеобщей забастовке только после мобилизации, в ответ на провокацию противника. Каутский рекомендует социалистической демократии в первую очередь признать республиканский парламентский строй и уважать принцип разделения властей Монтеке. Он называет «анархической прихотью» мысль о разрушении государства. Государственный аппарат, управляемый профессионалами, необходим современному обществу, неспособному вернуться к «прямой демократии» Афин. Следует не ломать буржуазное государство, а провести его демократизацию, перенести силовые отношения внутри государственной власти. Социалистическая революция как историческая необходимость осуществится мирным путем, не прибегая к слепому насилию, как это было с буржуазной революцией, лишенной в 1789 году измерительных приборов, которыми располагает отныне социалистическая демократия. Экономизм и мирная эволюция — с одной стороны, волонтаризм и насильственная революция — с другой.

Этот спор о судьбе государства, противопоставлял в подобных терминах, в конце 1860-х годов, Герцена, либерального революционера, и Бакунина, анархиста, осуждающего как ил-

²³ См.: Kautsky, Luxembourg, Pannekoek. *Socialisme, la voie occidentale*. PUF, 1983.

лтозорную всякую попытку «либерального республиканизма». В своем последнем сочинении, «К старому товарищу», Герцен восставал против анархического проекта разрушения государства; государство прежде всего является орудием, которым могут пользоваться и реакция и революция. Он недоумевал: «А за упразднением государства — откуда брать «эзэкушью», палачей и пуше всего фискалов, — в них будет огромная потребность? ...Неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляют вечную необходимость всякого шага вперед?»²⁴.

Стремясь сохранить демократические достижения буржуазного общества, Каутский потеряет престиж, когда «революционный кризис», последовавший за войной 1914–1918 гг., будто бы подтвердит правоту стратегии «неорадикалов»: стихийные всеобщие забастовки, самоуправление массами в Советах рабочих и солдатских депутатов, свержение буржуазно-по строя. Роза Люксембург будет критиковать Ленина за «тактические» меры, принятые им против крестьян и национальных меньшинств империи, потому что они «льют воду на мельницу контрреволюции», но не так, как Каутский, — из-за его систематического использования разрушительного насилия по отношению к учреждениям. В своем памфлете «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин осыплет его оскорблениями за его «брошюру» «Диктатура пролетариата», вышедшую в Вене в 1918 году, и пока марксизм-ленинизм будет шарить над интеллигенцией, этот памфлет придаст репутации «официального теоретика партии» образ Юлиана Отступника. Суть спора касается законности использования насилия, с привлечением ссылок на Маркса и Энгельса. По мнению Каутского, слово «диктатура» означает уничтожение демократии. Парижская коммуна, напоминает он, была избрана при помощи всеобщего избирательного права, при этом буржуазия не была лишена своих избирательных прав; пролетариат обладал большинством голосов, диктатура пролетариата вытекала из чистой демократии. Ленин возражает: «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами». «Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее новой, которая, по словам Энгельса, «не является уже в собственном смысле государством»²⁵.

Каутский забыл о классовой борьбе! Ленин громоздит цитаты. Энгельс: «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей...»; «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии». Маркс: «Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру... они придают государству революционную и переходящую форму»²⁶. И Ленин торжествует: «Советы — непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, облегчающая им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно»²⁷. Старый буржуазный аппарат устранен благодаря советской организации. «Свобода печати перестает быть лицемерием, ибо типографии и бумага отбираются у буржуазии. То же самое с лучшими зданиями... Советская власть многие и многие тысячи этих лучших зданий отняла сразу у эксплуататоров и таким образом сделала в миллион раз более «демократичным» право собраний для масс»²⁸.

Таким образом, диктатура пролетариата, более демократическая, чем любая буржуазная демократия, предоставит массам наилучшие условия для осуществления «прямой демократии» в миллионе Афин. Энтузиазм победителя, охваченного утопией? Или чистый цинизм? Верный своей «стратегии изнурения», Каутский стремится прежде всего к победе всеобщего избирательного права. Он признает решающую роль Советов в столкновении

²⁴ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. XX. Кн. 2. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. С. 585.

²⁵ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 37. С. 245, 246.

²⁶ Там же. С. 249, 261.

²⁷ Там же. С. 257.

²⁸ Там же. С. 257.

между капиталом и трудом. Но, распустив Учредительное собрание, избранное, тем не менее, на всеобщих выборах, большевики превращают Советы, боевую организацию, в государственный аппарат и разом уничтожают демократию, которую русский народ завоевал Февральской революцией. Ленин возражает: «Сказать Советам: боритесь, но не берите сами в руки всей государственной власти, не становитесь государственными организациями — значит проповедовать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией». Каутский иронизирует: большевики участвовали в выборах в Учредительное собрание, но, оказавшись в меньшинстве, они заявили, что Советская Республика — «единственная форма, способная обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму»²⁹. Ленин возражает, что с апреля 17-го года он объявил о превосходстве Коммуны над буржуазной парламентской республикой, что он много раз повторял, что интересы революции выше формальных прав Учредительного собрания. Не распускать Учредительное собрание означало не довести до конца борьбу с буржуазией, но свергать ее и примирить с ней пролетариат. Таково желание Каутского и меньшевиков, которые поддаются иллюзиям либерального реформизма, считая, что в буржуазной революции нельзя идти дальше буржуазии. «Если эти Советы отняли избирательное право у эксплуататоров, значит, Советы не органы мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами, не органы парламентской болтовни (Каутских, Лонге и Макдональдов), а органы действительно революционного пролетариата, ведущего борьбу не на живот, а на смерть с эксплуататорами»³⁰.

Буржуазная революция или социалистическая революция? Разрушение государства или сохранение его демократических завоеваний? Диктатура пролетариата со всеобщим избирательным правом или без этого права? Может ли Россия идти дальше буржуазной революции? Эта марксистская «фразеология» прячет более откровенный выбор: нужно ли, да или нет, узаконить систематическое использование насилия? Каутский недоумевает: большевистская революция исходила из гипотезы, что она будет отправным пунктом всеобщей европейской (социалистической) революции. Но если этого не произошло? Нужно ли было обвинять европейский пролетариат в измене? Только тактика большевиков была верной интернационализму, — отвечает Ленин, — потому что она делала максимум того, что было возможно в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах. Отмечая, что крестьянство образует большинство населения, Каутский иронизирует о «наиболее безболезненном осуществлении социализма», которое заключается в передаче диктатуры крестьянству и одновременно в ведении гражданской войны в деревнях. Ленин объясняется: «Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всеми» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической»³¹. «Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы «целым», т.е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции»³². Замечательный результат! Ленин хвастается, что в рекордное время, истинным марксистом, он прошел путь, размеченный «исторической необходимостью», «полосу препятствий», состоящую из свержения феодализма, буржуазно-демократической революции, свержения капитализма, социалистической революции и т.д.

Меньшевики видели в буржуазной демократии этап, благоприятный для политического прогресса социализма в России, и упрекали Ленина в том, что он через него перескочил.

²⁹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 37. С. 273, 275.

³⁰ Там же. С. 290.

³¹ Там же. С. 311–312.

³² Там же. С. 315–316.

Ленин заверяет в своей «искренности»: ведь со времени революции 1905 года огромное большинство крестьян России желало уравнительного пользования землей, мелкобуржуазный лозунг, самая благоприятная основа для развития капитализма. Это не было требованием большевиков, но они поддержали его удовлетворение как завершение буржуазной революции с намерением помочь крестьянам как можно быстрее перейти к социалистическим лозунгам. «Большевики остались верны марксизму: они вовсе не стремились (вопреки Каутскому, который нас в этом обвиняет — без тени доказательств) «перескочить» через буржуазно-демократическую революцию»³³. Но Ленин, сторонник *Niederwerfungstrategie*, считал ненужным ее созревание «в сотрудничестве классов и «социальном мире» пролетариата с буржуазией». Он предпочел, чтоб она вела смертельную борьбу против эксплуататоров, сначала против монархии, против землевладельцев, против феодалов, затем против капитализма, включая богатых крестьян, кулаков, спекулянтов. Он приказал распустить Учредительное собрание, чтобы вести до конца борьбу против буржуазии и помешать пролетариату примириться с ней. Когда они были убраны, эти помехи для победы социалистической революции, что осталось от революционной России? Деревенская беднота. А русский пролетариат? Каутский сомневается, что русский пролетариат получил в республике Советов больше, чем он получил бы от Учредительного собрания.

Но в эту пору Ленину любое заключение кажется излишним, он закончил свой памфлет, а в ночь с 9 на 10 ноября 1918 года началась революция в Германии, сначала в Киле, в северных городах, затем в Берлине. Повсюду Советы рабочих и солдат приходят к власти. Обусловленному той же революционной лексикой, что и большевик-«перегонщик» Ленин, Каутскому остается только замолчать. Но ветер меняется. Неудача революции в Германии снова открывает Каутскому политическое будущее. Ленина она не обескураживает, а побуждает создать новую организацию «смертельной борьбы против эксплуататоров», III Интернационал, по большевистскому образцу: партийная дисциплина и демократический централизм под руководством вождя. С 21 июля по 7 августа 1920 года в Москве проходит II съезд Коминтерна, который формулирует 21 условие приема партий. 25 декабря в Туре открывается 18-й съезд Объединенной социалистической партии. Ставки уже сделаны. Большинство делегатов, охваченных энтузиазмом, готово примкнуть к новому Интернационалу. В понедельник, 27 декабря, Леон Блюм, «душа сопротивления присоединению», берет слово, хотя знает, что его дело — единство прежней партии — проиграно.

«Перед вами целое, теоретическое единство. Теперь перед всеми встает следующий вопрос: вы принимаете или нет это теоретическое единство, сформулированное на съезде Коммунистического интернационала?» Его документы, настаивает Леон Блюм, отличаются от традиционного социализма по основным пунктам. «Перед нами нечто новое. Нам пытались доказать обратное... Ленин и Троцкий сказали нам это. Вы сами говорили это, вернувшись из России». Новое в противопоставлении к традиционному не означает непременно правильный в понимании оратора. «Это новый социализм. По нашему мнению, он основывается на ложных идеях, противоречащих основным и неизменным принципам марксистского социализма... Определенный набор понятий, взятых из местного и своеобразного опыта, опыта русской революции»³⁴.

Л. Блюм сравнивает устав традиционной партии с уставом новой партии, о которой мечтают партийные работники, привлеченные новым Интернационалом.

С одной стороны, руководство партии принадлежит ей самой. На этой основе формируются воля и мнение коллектива. Нет руководителей, но есть уполномоченные. Прием в партию ведется с максимальным размахом, в нее призывают вступить всех трудящихся, всех тех, кто хочет участвовать в переходе от одного экономического строя на другой. Пропорциональное представительство — залог свободы мысли. Независимость партии и профсоюза. Ее

³³ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 37. С. 326.

* стратегии уничтожения (нем.).

³⁴ Le Congrès de Tours, 1920, naissance du parti communiste français, présenté par Annie Kriegel, collection Archives Julliard, 1964. С. 102–105.

деятельность — народное просвещение и открытая пропаганда. Ее цель — преобразование экономического строя.

С другой стороны — централизованное правление, предполагающее подчиненность одного организма другому, расположенному иерархически выше, «нечто вроде военной дисциплины, когда сверху отдается приказ и передается вниз по иерархической лестнице простым партийным работникам»³⁵. Третье условие вызывает самые большие возражения. Оно утверждает: «Почти во всех странах Европы и Америки для классовой борьбы наступает период гражданской войны. В этих условиях коммунисты не могут доверять буржуазной законности. Их долгом является создание повсеместно, параллельно с легальной организацией, подпольного организма, способного выполнить в решающий момент свой долг перед революцией. Во всех странах, где из-за осадного положения или чрезвычайного закона коммунисты не имеют возможности легально заниматься своей деятельностью, сосуществование легальных и нелегальных действий является безусловно необходимым»³⁶.

Классовая борьба, гражданская война, осадное положение, чрезвычайный закон, подпольная организация, нелегальная деятельность, — столько «понятий, взятых из местного и своеобразного опыта, опыта русской революции». Л. Блюм поддерживает точку зрения К. Каутского, выступающего против «русской мимикрии» Розы Люксембург, но остерегается замкнуться в законности буржуазного строя. Да — законности нелегальной деятельности, но нет — организации подпольных комитетов. «Когда сосуществуют общественные и подпольные органы, кому принадлежит реальная власть? Где она располагается? В силу вещей, в подпольном организме... Как эти организмы будут формироваться? Разве по окончании этого съезда, назначив ваш общественный руководящий комитет, вы приступите к назначению в подпольный комитет?... Значит, ваш тайный руководящий комитет не сможет быть создан на основе публичного обсуждения на вашем съезде. Нужно, чтобы у него было другое происхождение»³⁷.

Эта партия «нового типа», непрозрачная, вызывающая беспокойство, предложена стране, которая пользуется профсоюзными правами и политическими свободами. Синтетическому, гармоничному единству, которое царит в традиционной партии, противопоставляются абсолютно единообразное, однородное единство, раз и навсегда установленное учение. Больше нет свободы мысли, направлений, количество принесено в жертву дисциплинированному, однородному авангарду, руководимому неоспоримым командованием, имеющему целью вооруженную борьбу против буржуазной власти, насильственное свержение господства капитализма над рабочим классом. Вариант бланкизма? Захват государственной власти — предварительное условие организации и пропаганды? Может быть, в России, но не на Западе. «Вы намерены, пользуясь благоприятным обстоятельством, увлечь вслед за вашими авангардами некоммунистические народные массы, не знающие точной цели движения, но поддерживаемые вашей пропагандой в состоянии крайнего напряжения»³⁸. «Мы знаем, что массы шли слепо, однажды за Буланже, а на другой день за Клемансо... Мы не знаем, с кем были бы на другой день массы, которые вы повели бы накануне. Мы думаем, что, может быть, им особенно не хватало бы революционного стоицизма»³⁹.

Диктатура пролетариата? Л. Блюм ее сторонник, она была заявлена в предвыборной программе. Разногласие заключается не в том, что ее будет осуществлять партия. В России ее осуществляют не Советы, а сама коммунистическая партия. Различие объясняется разногласиями по поводу организации революции и ее концепции: «Диктатура, осуществляемая партией, — да, но партией, организованной так, как наша, а не ваша»⁴⁰. Л. Блюм считает диктатуру временной: «неограниченные полномочия», предоставленные для необходимого революционного преобразования, а не окончательное установление постоянной власти. «Это, по

³⁵ Le Congrès de Tours, 1920, naissance du parti communiste français, présenté par Annie Kriegel, collection Archives Julliard, 1964. P. 110.

³⁶ Ibid. P. 250.

³⁷ Ibid. P. 112.

³⁸ Ibid. P. 125.

³⁹ Ibid. P. 126.

⁴⁰ Ibid. P. 128.

вашему мнению, система правления, созданная раз и навсегда. Как бы это ни было истинным, впервые в истории социализма вы замысляете терроризм не как последнее средство, не как крайнюю меру общественного спасения, которую вы навяжете буржуазному сопротивлению, не как жизненную необходимость для Революции, а как средство правления». Л. Блюм предупреждает тех, кто думает, что, оказавшись в новом Интернационале, они смогут изменить его изнутри: «Перед вами нечто слишком могущественное, слишком сплоченное, слишком стабильное для того, чтобы вы могли его изменить»⁴¹.

Выбор ясен: или нужно объединить рабочих при помощи просвещения, пропаганды, что является непрямым условием победы социалистической революции. Или, не дожидаясь просвещения и единства рабочего класса, нужно предварительно завладеть, посредством насилия, теми средствами власти, которыми располагает буржуазия. Блюм протестует против полемического приема, который заключается в том, чтобы называть контрреволюционерами противников III Интернационала. Идет спор, — настаивает он, — не между реформизмом и революцией, а между двумя радикально противоположными революционными концепциями. Социализм — это движение, целью которого является превращение частной собственности в коллективную собственность. Революция — это не есть само преобразование. «Достижения революции параллельны эволюции капиталистического общества. Следовательно, преобразование будет неизбежно подготовлено постепенными изменениями, происходящими в капиталистическом обществе»⁴². Революция осуществится посредством захвата политической власти даже через выборы, как в Англии, — гипотеза, которую принимал во внимание сам Ленин. Л. Блюм повторяет выражение Жюль Гесда: «Всеми способами, в том числе легальными»⁴³.

Ф. Фюре анализирует этот дискурс в «Прошлом некой иллюзии». Блюм хотел бы развести, в сознании социалистических партийных работников, сожаления по поводу бедствий, созданных войной, и надежды, пробужденные большевистской революцией, своеобразного опыта, всеобщее значение которого он отрицает. При отсутствии настоящего буржуазного общества, она приобрела характер путча и рискует привести к диктатуре безмандатного меньшинства над народом. Защищая легальность, выборность, парламентаризм, он должен остерегаться, что его заподозрят в забвении дела революции во имя реформизма. Он не может отказаться от термина «диктатура пролетариата» (насильственное установление власти рабочих в ущерб буржуазии), но он использует «в другом значении, более в стиле Жореса: «диктатура пролетариата», по его мнению, это способ выражения того, что пролетарская революция, венчающая длительное социальное и воспитательное развитие, ставит у власти весь просвещенный народ, который больше почти не имеет противников, с которыми надо бороться»⁴⁴.

Ф. Фюре мог бы свободно назвать просветительской революцией революционную программу, на которую ссылается Л. Блюм вслед за К. Каутским, просветительской революцией, настойчиво продолжающей свое дело просвещения в индустриальном обществе среди эксплуатируемых масс, лишенных корней. Но выдвижение «революционной» программы, предполагающей воспитание и распространение идей Просвещения в соответствии с устремлениями философов XVIII века, соответствовало бы буржуазной идеологии, осужденной и дискредитированной десятилетиями классовой борьбы. Даже Ф. Фюре, бывший марксист, не может полностью освободиться от этой фразеологии.

Терпеливое движение вперед Просвещения или революционное насилие? Выбор Ленина проявляется в тоне его рекомендаций: дать урок буржуазии, реакционному духовенству, всему этому отродью, чтобы не думало больше о сопротивлении, произвести массовые аресты, показательные процессы, расстрелять как можно больше: было бы преступно не арестовать в профилактических целях заговорщиков, кишящих в среде интеллигенции; «для уничтожения распоясавшейся контрреволюции нам необходим Фукуе-Тенвиль». С декабря

⁴¹ Le Congrès de Tours, 1920, naissance du parti communiste français, présenté par Annie Kriegel, collection Archives Julliard, 1964. P. 134.

⁴² Ibid. P. 119.

⁴³ Ibid. P. 120.

⁴⁴ Furet F. Le passé d'une illusion. Op. cit. P. 116.

1917 года создана ЧК, во главе стоит «железная метла», Феликс Дзержинский. Любая забастовка, начиная с забастовки чиновников, осуждается как «саботаж» и тотчас сокрушается ЧК. Классовая борьба оправдывает неравенство в обращении с гражданами; лишенцы (5 миллионов) лишены прав, получают скудный рацион, взяты в заложники, их расстреливают в массовом порядке без решения суда или заключают в концентрационные лагеря. В августе 1918 года открыт первый концлагерь в Пензе. Большевицкий террор осуществляется вне какой-либо юридической инстанции, «кронштадтские мятежники», требующие восстановления завоеваний Февраля 17-го и уничтожения ЧК, жестоко подавлены. Неужели для того, чтобы объяснить, а не оправдать поведение, которое они, впрочем, осуждают, такие биографы и историки, как Мишель Элер, Элен Карер д'Анкос, непременно должны снабдить преступный мозг Ленина благовидным, хоть и «утопическим», проектом?

Кто виноват? Э. Кар («Большевистская революция, 1917–1922 гг.») считает, что во время «военного коммунизма» большевики просто сделали то, что нужно, чтобы остаться у власти, и что цель социализма могла бы быть достигнута, если бы реакционные классы тотчас не воспротивились, если бы белые не начали гражданскую войну, если бы отсталые массы не показали себя столь непокорными. Мартен Малья утверждает, что для Ленина власть не была самоцелью, что большевики желали ее, чтобы достичь своих «светлых целей». «По их логике, крушение всего во время гражданской войны могло показаться большим скачком вперед». Эта политика, полностью соответствующая взглядам Маркса, по мнению Малья, благоприятствующая принуждению, «насилию — акушерке Истории», привела к устранению «всех социальных групп, находившихся выше «протых людей» или «трудящихся масс»... В целом, «гражданское общество» исчезло и все, что осталось от русского общества, было никак не дифференцированной массой «трудящихся». Такое беспрецедентное социальное нивелирование могло произойти только потому, что частная собственность была уничтожена в отличие от того, что произошло прежде во время европейских революций». Малья называет это уничтожение частной собственности в России применением «тотальной коммунистической программы»⁴⁵.

У Томаса Мора в «Утопии» Рафаэль заявлял автору, что «самые лучшие советы не помогут в государствах, где собственность является индивидуальным правом, где все измеряется деньгами и, следовательно, счастье утопийцев надолго останется философской мечтой». При этом продолжает царить убеждение: «Распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность»⁴⁶. Следовательно, Ленин, убежденный человек, буквально истолковал этот закон, который утопийцы применили для своего наибольшего счастья. Философская мечта превратилась в марксистскую практику! Ленину удалось невозможное, он отменил в России частную собственность! Для счастья человеческого, уничтожение частной собственности является необходимым условием? Необходимым и достаточным условием? Хотя бы в России? Увы, нет, поскольку большевики вынуждены отказаться от «военного коммунизма» и приступают к новой политике: «Их утопия в действии, — пишет Малья, — имела в качестве следствия такое сокрушительное всеобщее бедствие, что сама власть партии, казалось, пошатнулась»⁴⁷.

«Утопия в действии»? Как определить этот термин? В 1842 году, в заключение своей знаменитой статьи «Реакция в Германии» Бакунин, будущий апостол анархии, восклицал: «Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust» («Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»)⁴⁸. Вот она, «утопия в действии», страсть к разрушению, к разрыванию цепей, к уничтожению предрассудков, к истреблению «отродья», но также страсть к созиданию, освобождению нового потенциала, эмансипации отчужденных сознаний, сил прогресса. Утопия в действии или утопия у власти? Не в этом дело, гигантское мероприятие

⁴⁵ Malia M. La tragédie soviétique, histoire du socialisme en Russie, 1917–1991. Ed. du Seuil, 1995. P. 190.

⁴⁶ Мор Т. Утопия. Москва: Наука, 1978. С. 164.

⁴⁷ Malia M. Op. cit. P. 192.

⁴⁸ Стеклов Ю.М. М.А. Бакунин, его жизнь и деятельность. Т. 3. Москва: Изд-во коммунистической академии, 1926. С. 148.

разрушительного характера произошло в очень короткий срок в России: уничтожение собственности. Оно совпадает с кратковременным союзом между большевиками, анархистами и «пожеланиями масс». Троцкий, беспощадный разоблачитель сталинского курса, никогда не откажется от убеждения, что, родившись в Октябре от «подлинной пролетарской революции», страна Советов остается и останется государством рабочих. В своей «Истории русской революции» он ссылается на Французскую революцию, «на движение крестьян против землевладельцев, которое обеспечило создание республики, освобождая для нее место от феодального хлама»⁴⁹. Этот стихийный напор является именно той силой, которой научился пользоваться Ленин. «Своим возмущением крестьянство толкает большевиков к власти. Но только придя к власти, большевики смогут завоевать крестьянство, превратив аграрную революцию в закон рабочего государства»⁵⁰. Это циничное признание Троцкого подтверждает то, что осуждал Каутский, что массами манипулировали большевики, превращая Советы в государственный аппарат и уничтожая одновременно демократию, завоеванную Февральской революцией. «Мужик не читал Ленина. Зато Ленин хорошо читал в мыслях мужика»⁵¹. Манипулируя несказанным, Ленин может «освободить» социальные силы, которые формальная буржуазная демократия заключает в «фетишизме организационных форм».

Троцкий, специалист по «искусству восстания», утверждает, что, отбрасывая различные варианты бланкизма и анархии, «Ленин ни на минуту не склонялся перед «священной» стихийностью масс. Раньше и глубже других он обдумал связь между объективными и субъективными факторами революции, между стихийностью и политической партией»⁵². Ленин использует «объективные факторы», силу масс, в пользу «субъективных факторов», политики партии. Это «давление крестьян», священное в глазах народников, является стихийной реакцией на эксцессы европеизации, «просветительской революции сверху», воспринятой как вид «колониализации», навязанной «иностранными». Эта антигосударственная, антикапиталистическая, антизападная реакция и есть «предыстория» большевизма; она сдерживалась царской властью, еще окруженной божественным ореолом. После отречения царя Россия, «слабое звено» в просвещенной Европе, не может больше ничего противопоставить этому давлению, кроме культурного достоинства, унаследованного от Запада, кроме его ценностей, свободы совести, терпимости, уважения к личности, к собственности. Смехотворные аргументы! Эта просвещенная Россия дискредитирована большевистской пропагандой и неспособна противостоять «утопии в действии», уничтожению собственности, которое проповедует Ленин.

В своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Николай Бердяев анализирует судьбу слова «большевизм», символический смысл, обретенный им в народных массах, связанный с понятием силы, в соотношении со словом «меньшевизм», связанным с понятием слабости: от большевизма ждут больше, чем от меньшевизма⁵³. «Утопия в действии», связанная с понятием силы, уничтожение собственности, нигилистское разрушение больших поместий и истребление их владельцев — это возвращение к пугачевщине, которой так страшились с XVIII века. Ни один революционный руководитель, начиная с декабристов, не осмеливался ссылаться на нее, даже Бакунин в своих пламенных прокламациях о русском народе, о его революционной миссии. Большевистская пропаганда разжигает пугачевщину. Она внушает Троцкому пикантные остроты: «Россия так поздно совершила буржуазную революцию, что она была вынуждена превратить ее в пролетарскую революцию»⁵⁴. «Отсталая Россия миновала некоторые этапы своей истории: она была вынуждена пропустить не только период Реформации, но и период буржуазного парламентаризма»⁵⁵. «Чтобы покончить с идеями и методами Распутина, России понадобились идеи и методы Маркса»⁵⁶.

⁴⁹ *Trotsky L. Histoire de la révolution russe. Vol 2. Paris: Ed. du Seuil, 1950. P. 372.*

⁵⁰ *Ibid. P. 399.*

⁵¹ *Ibid. P. 398.*

⁵² *Ibid. P.546.*

⁵³ *Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Paris: YMCA-press. P. 92.*

⁵⁴ *Trotsky L. Op. cit. P. 7.*

⁵⁵ *Ibid. P. 149.*

⁵⁶ *Ibid. P. 424.*

Маркс понадобился главным образом большевикам, чтобы поддерживать «иллюзию об исторической необходимости» их политики. Если речь все еще идет об утопии, то в карнавальном духе. Бердяев отмечает: «Самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насильем»⁵⁷.

Горе побежденным! Утопическими являются либеральные идеи, терпимость, уважение к личности, основные свободы, достижимые в Феврале и недостижимые в Октябре! Гигантская сила, стихийное бедствие, отбросила в одно мгновение Россию в архаическое, темное прошлое. Однако просвещенные люди поколениями трудились над тем, чтобы создать в России те демократические учреждения, которые на Западе не имели ничего утопического. Соавтор, в 1909 году, Н. Бердяева, П. Струве, С. Булгакова по знаменитому сборнику «Вехи», который подводил тревожный итог революции 1905 года, С. Франк сотрудничает с теми же авторами в 1918 году в новом сборнике «Из глубины». Его статья начинается следующим образом: «Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой нас привела судьба. Ища последних проблесков надежды, невольно стремишься найти исторические аналогии, чтобы почерпнуть из них утешение и веру, и почти не находишь их. Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной, как в наши дни; и на ум приходят в качестве единственно подходящих примеров грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств. И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно в диком, слепом восторге самоуничтожения привит и всосан народным организмом».

Именно силой в ночь с 25 на 26 октября, а не в результате вотума доверия на открытии II съезда Советов, Ленин намеревается низложить Временное правительство и взять власть. В то время как меньшевики и большая часть эсеров воображают, что они в скором времени найдут эту власть в Учредительном собрании, Ленин предпринимает «беспощадную классовую борьбу», политику террора. Он может сослаться на французский прецедент, «якобинский» эпизод 1793–1794 гг., самый волонтаристский момент революции, временная власть без закона, и он использует те же аргументы: кто несет ответственность за террор? Враги революции. «Русская пролетарская революция, — утверждает Борис Суварин, — оказалась в 1918 году в той же ситуации, что и буржуазная революция в 1793 году. Против нее, снаружи, — мировая коалиция и внутри — контрреволюция (заговоры, саботаж, восстания) и несколько Вандей. Те же причины привели к тем же следствиям. Враги революции несут ответственность за террор». В том же духе Альфонс Оляр, историк французской революции, республиканец, радикальный социалист и франкмасон, видит в Ленине Робеспьера, а в уцелевших демократах Февраля — даже не жирондистов, отстраненных более энергичными республиканцами, но французских эмигрантов, зовущих реакционную Европу на помощь. «Французская революция была совершена диктаторским меньшинством... Когда мне говорят, что существует меньшинство, терроризирующее Россию, я понимаю это так: в России революция... Я вынужден констатировать, что чем больше растет военное вмешательство, тем сильнее показывается большевизм»⁵⁸. Его коллега и соперник, историк Андре Матьез, поклонник Робеспьера, утверждает: «Якобинство и большевизм являются в равной степени двумя дик-

⁵⁷ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Paris: YMCA-press. P. 93.

⁵⁸ Цит. по: Furet F. Le passé d'une illusion. Op. cit. P. 83, 85.

татурами, порожденными гражданской войной и иностранной войной, двумя классовыми диктатурами, действующими теми же средствами: террором, реквизицией и налогами, и имеющими, в конечном счете, одну и ту же цель — преобразование общества, и не только русского или французского, но и мирового»⁵⁹.

Ф. Фюре считает экстравагантной преемственность, установившуюся между большевизмом и демократической традицией. Благодаря этому самые диктаторские меры большевиков расцениваются как демократические намерения, потому что у них есть прецедент во Французской революции. «У якобинцев были предвидения, а у большевиков есть предки. Благодаря этой «фикции» Советский Союз Ленина занял пост управления человеческим прогрессом, на «теплом местечке», забронированном для него, с конца XVIII века, революционной Францией»⁶⁰. Эта «иллюзия» приобретет политический масштаб, когда марксисты-ленинцы приобретут во Франции, как и в России, монополию на научные исследования в этой области. Всякая попытка опровержения будет дискредитирована, названа дискуссом правых. Эксплуатация этой политической фикции вынудит французских руководителей, кем бы они ни были, правыми или левыми, предаваться во время француско-советских встреч воспоминаниям об общей борьбе с фашизмом и прославлению общего революционного наследия, взятия Бастилии и Зимнего дворца⁶¹.

По мнению Ф. Фюре, почитатели Великого Октября стали жертвами воображаемой деволюции (передача по наследству), иллюзии. Иллюзия — это, по словарю «Litttré», «заблуждение, которое, по-видимому, пренебрегает нашим разумом, обманывает его»; это «ложное мнение, ошибочное убеждение, которое вводит в заблуждение разум своим соблазнительным характером», — по словарю «Le Robert». Утопия, заманчивая и желаемая, остается неосуществимым проектом, тогда как иллюзия обманывает своим соблазнительным характером, превращает видимость в реальность. «История Французской революции, служившая примером Русской, учила, что у революции есть законы и этапы, пишет Д. Анин, автор «Революции 1917 года, глазами ее руководителей». Итак, в начале выступают умеренные партии; тем не менее, под давлением масс, на втором этапе приходят к власти максималисты. Наконец, третий этап, экстремизм максималистов вызывает реакцию, чаще всего в лице генерала-карателя»⁶². Эта крупномасштабная схема приписывает понятию контрреволюции одностороннее значение: реакция, попытка восстановить строй, разрушенный революцией. Развернутся ли события иначе, будет ли власть незаконно захвачена руководителями, пользующимися народным доверием, тогда заговорят об «измене революции», но не о контрреволюции, дело, которое, по правилу, приписывается «правым».

Мартен Малья, автор книги «Понять русскую революцию», разделяет этот «троцкистский» подход, он приводит его в замешательство: «В 1917—1918 гг. происходит что-то очень странное, русский революционный процесс полностью сбивается с курса и порождает, таинственным образом, следствие, полностью отличающееся от того, что получилось при других великих европейских революциях: бюрократическое, идеократическое, тоталитарное государство, будь оно ленинским или сталинским. Это государство является абсолютно новым фактом мировой истории и не имеет аналогов на Западе»⁶³. Малья говорит о непрерывном левении революционного процесса 1917 года, о подъеме правых в июле-августе по поводу корниловского дела, о полевении масс, о торжестве анархии, поддерживаемой политикой Ленина, и наконец, о приходе к власти «группы бланкистов» в Октябре. «Необычное» для Малья то, что, против всякого ожидания, тогда как опасаются контрреволюции справа, разжигаемой генералом Корниловым, и упрекают Ленина и большевиков в том, что они ей способствуют своим экстремизмом, непокорное дитя революционной

⁵⁹ Цит по: *Furet F. Penser la Révolution française*. NRF, Gallimard, 1978. P. 118.

⁶⁰ *Furet F. Le passé d'une illusion*. Op. cit. P. 91, 99, 94.

⁶¹ См.: *Bourmeyster A. Révolution et contre-révolution au pays des droits de l'homme et dans la patrie du socialisme // L'ours et le coq, trois siècles de relations franco-russes*. Presses de la Sorbonne nouvelle, 2000. P. 243—262.

⁶² *Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей*. Roma, Aurora, 1971. P. 108—109.

⁶³ *Malia M. Comprendre la Révolution russe*. Paris: Ed. du Seuil, 1980. P. 48.

демократии, которое должно было бы примкнуть к общему фронту против генерала-карателя, захватывает власть! Вместо того, чтобы прийти справа, контрреволюция приходит слева — необъяснимый феномен!

В России, на заре XX века, в широких слоях населения было распространено убеждение, что «революция неизбежна», убеждение это разделяли одновременно те, кто стремился к просвещенному демократическому обществу по образцу западного и смотрел с отчаянием, как монархический строй медлит с неизбежными политическими реформами, и те, кто осуждал этот западный образец, ставил во главу угла «историческую необходимость» и выступал за прямой переход к «высшей форме», к социализму. Ясно, что не говорили об одной и той же революции. Сторонники первого тезиса, отказавшись принять второй, были названы «контрреволюционерами». Ответ пастуха пастушке: кто настоящий революционер и кто контрреволюционер?

Чем характеризуется революция? «Объективными факторами», которые она встречает на пути к власти. Она приобретает политический характер, когда захватывает государственный аппарат, полицию, специальные силы, армию, телекоммуникационную связь, транспорт. Она приобретает экономический, социальный характер, когда присваивает промышленные, сельскохозяйственные и коммерческие предприятия, чтобы их национализировать или перераспределить. Какой характер она принимает, если она покушается на гражданское общество, на судебные, административные, гражданские учреждения, на общественную, коммунальную, профсоюзную, приходскую, семейную жизнь, на церкви, школы, органы печати, если она проводит волонтаристскую, популистскую политику по отношению к экономическим реалиям, дипломатическим отношениям, правам человека, если она оправдывает свою политику террористического насилия ради чистоты, революционной, религиозной или расовой чистоты, ради войны, классово-религиозной или расовой войны, предполагающей уничтожение противника, требующей от своих приверженцев послушания, жертвенности, «героизма», лишённого жалости к побежденному и презирающего гуманизм? Какой характер? Какой другой, если не характер контрреволюции, коренного отрицания вековых достижений культуры и постоянных завоеваний цивилизации, исторической реальности, просветительской революции, в которой участвуют, не признавая этого публично, такие социалисты, как Каутский, как Леон Блюм. Такие страны, как Россия, Италия, Германия, слабые звенья просвещенной Европы по историческим или конъюнктурным причинам, по очереди станут жертвами этого бедствия. Большевизм является контрреволюционным, когда он утверждает, что действует ради счастья человечества, тогда как счастье не может осуществляться указом. Фашизм и нацизм являются контрреволюционными, когда они заявляют, что выполняют историческую миссию, тогда как мессианство далеко не всегда сходится с гуманизмом.

Правда, просветительская революция переживает трудные моменты, особенно при неизбежной передаче политической власти от авторитарного монархического строя конституционному парламентскому режиму. Деспот, даже просвещенный, редко уступает власть, унаследованную от предков. Политический строй никогда не бывает так слаб, как во время решающих, радикальных реформ. И однако ни в Англии, ни во Франции революции, жестокие столкновения между всевозможными максималистами не поколебали надолго основ западной цивилизации, не поставили под сомнение ее достижения и вековые ценности, как это, к несчастью, произошло в России в 1917 году. Вовлеченная по инициативе царя Петра I в просветительскую революцию, европеизацию, Россия подходила к концу исторического этапа, «просвещенного деспотизма», который ее западные соседи уже успешно преодолели. Февральская революция 1917 года должна была в первую очередь обеспечить, законным путем, передачу монархической власти Учредительному собранию. Это убеждение разделяла политическая элита, от сторонников конституционной монархии до социал-демократов. Эта «буржуазная революция» была признана как необходимый исторический этап даже большевиками до того, как Ленин в своих «Апрельских тезисах» объявил ей войну, требуя ее превращения в «социалистическую революцию», ниспровержения капитала, уничтожения

собственности⁶⁴. Перескочив через этапы, «этап Реформации, как и этап буржуазного парламентаризма», Россия была лишена с неслыханной жестокостью одновременно достижений двух веков цивилизации и тысячелетия самородной культуры. Вместо того, чтобы прямо прийти к социализму, «этому строю, где все устроено для счастья каждого», она оказалась отброшенной назад в беспрецедентном политическом положении. Сталкиваясь с чем-то небывалым, слишком могучим, слишком сплоченным, слишком стабильным, чтобы попытаться его свергнуть, марксисты-диссиденты, ссылаясь на Маркса, ограничились тем, что назвали его «восточным деспотизмом», другие — «партократией», Ханна Арендт применил к этому феномену прилагательное «тоталитарный», которое до этого характеризовал фашистскую Италию и нацистскую Германию. Важен не термин, а то, что Россия удостоилась в начале XX века печальной привилегии — стать первой жертвой непоправимого бедствия, грандиозного отказа от Запада, изображаемого, в зависимости от обстоятельств, под различными «дьявольскими» личинами: буржуа, капиталиста, еврея, империалиста, колониалиста. Она стала жертвой контрреволюции, которая была сильной оттого, что чрезмерно использовала силу, возводила террор до статуса законного орудия правления.

Какое отношение имеет эта контрреволюция к Французской революции? Диктатура пролетариата — к «якобинскому» эпизоду 1793–1794 гг.? Режим Террора, безусловно, оправдывался подобными аргументами, но предписан был только временно. Речи не было о том, чтобы обожествить палача и превратить его в отца народа. Зато Февральская революция напоминает политическую ситуацию в Париже в конце Франко-прусской войны. 4 сентября 1870 года народ ворвался в Ассамблею и заставил присутствующих депутатов провозгласить республику. 5 сентября из 500 делегатов, большей частью рабочих, сформирован комитет бдительности, чтобы революция не оказалась, как это произошло в 1830 году, в 1848 году, в руках буржуазии. Было послано обращение к немецкому народу, к немецкой демократии — прекратить братоубийственную войну, бесполезную после высылки императора. Это обращение осталось без ответа, но сколько аналогий между этим текстом и обращением от 14 марта Петроградского Совета к народам всего мира! Та же лексика, та же риторика, те же идеологические предпосылки⁶⁵. Напротив, у Парижской коммуны, недолговечного революционного правительства, состоящего из бланкистов, якобинцев и прудонистов, у этой первой «диктатуры пролетариата» в истории рабочего движения, по мнению Маркса, больше общего с республиканскими чаяниями восставших американцев против «тирании» Англии в 1776 году, чем с «политикой уничтожения», проводимой большевиками после 1917 года.

В Туре Л. Блюм ясно сформулировал дилемму. Зависит ли победа демократии, социальной справедливости над деспотичным и грабительским капитализмом от предварительной победы просвещения, одержанной благодаря воспитанию и пропаганде? Или являются ли предварительными мерами, необходимыми для удовлетворения «вечных чаяний человечества», захват власти при помощи насилия, террора, уничтожения государства и гражданского общества, захват всех средств воспитания и пропаганды? Большевики назвали идеалистическим и утопическим первое направление, приняли второе и применили «тотальную коммунистическую программу». Долой утопию! Большевики могли отныне беспрепятственно предаться воспитанию строителей коммунизма. Сколько общего между утопическим государством Томаса Мора и Страной Советов! Сколько аналогий между рассказом Рафаэля, о «наилучшем устройстве государства», его описанием утопийцев и новой жизнью в Стране Советов! Гражданин — самая большая ценность в Утопии, человек — самый ценный капитал в Советском Союзе, общность имущества и справедливое распределение плодов труда, общность жизни, любовь к миру, осуждение войны являются общими началами для обоих обществ. Утопийский строй предусматривает досуг для того, чтобы его граждане свободно могли умственно развиваться, советский строй закрепляет в качестве фундаментального прин-

⁶⁴ См.: Bourmeyster A. Révolution des Lumières et contre-révolution bolchevique // La revue russe. Paris, Institut d'études slaves. 20. 2001. P. 7–18.

⁶⁵ Bourmeyster A. Révolution française, révolution russe et perestroïka // Revue d'Etudes slaves. Paris. LXI/1-2. 1989. P. 217–233.

ципа «многостороннее развитие личности». Тем не менее, существует разница, «Утопия» утопична, потому что описывает идеальное общество, не уточняя, в результате каких событий оно создано, какими средствами оно уничтожило собственность и как оно убедило утопийцев жить добродетельно. «Мечта философа» может счесть излишним задаваться такими вопросами. Зато — слава победителям! — это законное любопытство большевики могут удовлетворить, в форме поэтического повествования, сказа. Классический образец сказа — в предисловии к советской Конституции: «Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство — государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма»⁶⁶.

Автор «Утопии» бичует свое время, канцлер короля Генриха VIII критикует королей, осуждает коррупцию, нетерпимость, праздность, «заговор богатых против бедных», социальную несправедливость, аграрную революцию, превращающую пахотные земли в пастбища в Англии, где «бараны едят людей», «Утопия» антитетична, она противопоставляет добро, идеальное общество, злу, современному обществу, и в заключение ее автор признается, что у утопийцев есть множество вещей, которые он хотел бы видеть в «наших городах». Он добавляет: «Я желаю этого больше, чем надеюсь на это». Авторы сказа⁶⁷ также осуждают современное им общество, капитализм, формальную демократию, буржуазное общество, которое еще продолжает существовать за хорошо охраняемыми границами «родины социализма». А она, освободившись от феодального хлама, шагает к «светлому будущему», к бесклассовому обществу. В этой перспективе больше не остается ничего антитетичного, так как трудящимся, излеченным от «антагонистических противоречий», больше нечего желать другого. Это излечение тем более явилось легким, что Ленин не поспешил в средствах. Мы отдаем себе в этом отчет, «Читая Ленина» вслед за Владимиром Солоухиным в маленькой книжке, опубликованной «Посевом» в 1989 году. Автор сосредоточил свое внимание на 36-м томе «Полного собрания сочинений» Ленина (период с марта по июль 1918 года), он извлекает оттуда поучительные цитаты: «Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России». Хотя в провинции столкнулись с сопротивлением, теперь (весной 1918 г.) «РОССИЯ ЗАВОЕВАНА БОЛЬШЕВИКАМИ»⁶⁸.

Что делать?

«Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Учиться работать — эту задачу советская власть должна поставить во всем объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении — система Тейлора... Осуществление социализма определяется именно нашими успехами в сочетании с советской властью и советской организацией управления с новейшим прогрессом капитализма»⁶⁹.

«Власть советов плюс тейлоризм открывает головокружительные перспективы». «Организация учета, превращение всего государственного механизма в единую крупную машину, в хозяйственную организацию, работающую так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»⁷⁰.

Как управлять этим исполином?

«При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повин-

⁶⁶ Конституция СССР. Москва: Изд-во политической литературы, 1982. С. 6.

⁶⁷ Bourmeyster A. Utopie, idéologie et skaz // Essais sur le discours soviétique. Université Grenoble III. 1983. №3. P. 1–53.

⁶⁸ Солоухин В. Читая Ленина. Посев, 1989. С. 12.

⁶⁹ Там же. С. 6.

⁷⁰ Там же. С. 13.

ности, совершается уже уголовное преступление и за это должна быть наложена определенная кара»⁷¹.

Голод, «продовольственная» диктатура позволят большевикам захватить высшую власть, власть над жизнью и смертью всего населения, монополию на хлеб: «Потому что, распределяя его, мы будем господствовать над всеми областями труда»⁷².

«Хлебная монополия. Хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду сильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление, нам этого мало.

Нам этого мало. Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всеислие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках.

И мы имеем средства для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность»⁷³.

Ленин готов к уступкам, но: «Это подчинение может при идеальной сознательности и дисциплине участников общей работы напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать формы диктаторства, если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Так или иначе беспрекословное подчинение единой воле безусловно необходимо».

«Необходим военный (!) поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей монополию». И Ленин раскрывает свою мысль: «задачей борьбы с голодом является не только выкачивание (!) хлеба из хлебодородных местностей, но ссыпка и сбор в государственные запасы всех до конца излишков хлеба, а равно и всяких продовольственных продуктов вообще. Не добившись этого, нельзя обеспечить решительно никаких социалистических преобразований»⁷⁴.

Неужели этот гигантский военный поход на Россию является «единственным средством по справедливости распределить богатства поровну и счастливо управлять делами человеческими»? Солоухин опирается на другие цитаты Ленина, чтобы предложить свое объяснение. В ожидании мировой революции привлечение населения к обязательной работе под руководством диктатора было для него единственным средством сохранить власть: «А пока там, на Западе, революция зреет, хотя она теперь зреет быстрее, чем вчера, наша задача только такая: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди, вопреки нашей слабости должны делать все, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях, остаться на своем посту как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному пережить, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

«Мы не знаем, никто не знает. Может быть, — это вполне возможно — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, и когда она начнется, нас не будут мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие»⁷⁵.

Гнусность полицейского режима украшается теперь заклинаниями «военной сводки» в стиле недавней мировой мясорубки: передовой отряд, удержаться на завоеванных позициях, остаться на своем посту, до победного конца.

⁷¹ Солоухин В. Читай Ленина. Посев, 1989. С. 5.

⁷² Там же. С. 19.

⁷³ Там же. С. 4.

⁷⁴ Там же. С. 4, 9.

⁷⁵ Там же. С. 13.

В лучшем случае, Ленин, охваченный иллюзией, безумной верой в неизбежность мировой революции, принимает себя за нового Жоффра или Клемансо, но войну ведет он не против немца-завоевателя, а против своей страны, своего народа!

Почему Ленин и большевики испытывали такую ненависть к своим жертвам? Почему Запад вызывал к себе столько ненависти? Отчего столько ожесточения в проведении «до конца» очищения человечества от «миазмов»? Лишь избавившись от «хлама» марксистско-ленинской фразеологии, чтобы глубже изучить «предысторию» коммунизма, можно ощупать темную сторону человеческой природы, террористической власти, которая одновременно отталкивает и чарует. Под черной формой чекистов, гитлеровских эсэсовцев, кхмеров Пол Пота или представителей современных таких же преступных организаций слепая власть присваивает высшее право располагать жизнью всякого существа. Во имя чего? Из мрака нашего XX века возникли повсюду, один за другим, монстры, созданию которых способствует наша собственная цивилизация, наша просветительская революция. Можем ли мы достойно ответить на грандиозный вызов этой мировой контрреволюции, не жертвуя своими общечеловеческими ценностями? Только смотря правде в глаза.

Summary

The article of A. Burnejster is devoted to the consideration of theoretical and practical bases of new Soviet statehood the main creator of which was V.I. Lenin. The author has also undertaken a semantic analysis of the term «Utopia». With the help of a great number of sources and special literature he has tracked continuity and distinction of the Russian and European approach to the aims and objectives of a social revolution. Besides the article suggests the ways of historical-anthropological interpretation of the so-called «totalitarian ideologies», in particular, fascism and the Bolshevism.